

Е.И. Красильникова, И.А. Вальдман

ПРАКТИКИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: ПАРК-МУЗЕЙ «РОССИЯ – МОЯ ИСТОРИЯ» В СИСТЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

*Статья подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 19-011-31114
«Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе
социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX – нач. XXI в.)»*

Раскрываются противоречия, которые обнаруживают себя в репрезентациях общенационального и регионального прошлого, предлагаемых сетью мультимедийных исторических парков «Россия – моя история». Показаны специфические интенции различных лиц и групп, стремящихся оказывать влияние на формирование политики памяти, которые выражаются в характере музейных репрезентаций прошлого. Выявлены противоречия, возникшие между декларируемыми установками концепции отечественной истории, избранной авторами проекта, особенностями отбора и описания содержания исторических процессов и смысловыми интерпретационными, техническими и институциональными средствами ее реализации.

Ключевые слова: историческая память; политика памяти; коммеморация; музейная экспозиция; исторический парк «Россия – моя история».

Историческое сознание является важной составной частью этнического и национального сознания. Оно обеспечивает не только легитимацию существующих социальных порядков и идентичностей, но и дает локализованное в ретроспективе, содержательное и персонализированное наполнение интерпретациям смыслов, значимых для символического универсума [1. С. 151–190]: этнического, национального, политического. Каждое общество легитимирует собственную доминирующую картину мира как концептуально организованное целое, используя и свою, и чужую историю в качестве эффективного средства конструирования системы отношений как внутри социума, так и с внешним миром.

Историческое сознание формируется под воздействием ряда факторов. Очевидно, что к числу наиболее значимых из них относятся попытки целенаправленного конструирования исторических образов и нарративов, релевантных господствующей идеологии, действующих социальных субъектов и основанных на их специфической рефлексии задач перспективного действия, которые обоснованы такой «проработанной» историей. Для обозначения идеологической «нагруженности» коллективных представлений (памяти) о прошлом современная социальная теория предлагает ряд сходных понятий: «историческая политика», «политика памяти», «политика прошлого», «проработка прошлого». Не вдаваясь в специфику их разграничения, обусловленную различными научными традициями, отметим лишь то, что ведущие субъекты в системе политической деятельности и, прежде всего, основные носители и институты государственной власти, всегда стремятся контролировать сферу социокультурных мнемических практик, порождающих коммеморативные знаки [2. С. 4]. Начиная с архаических традиционных обществ, знание о прошлом (или то, что считалось в той или иной традиции таким знанием) использовалось в нормативно-регулятивных, дидактических целях. Лишь одним из наиболее известных и ярких примеров такого использования знаний о прошлом является конфуцианская традиция в Китае. Исторические конструкции, созда-

ваемые или реинтерпретируемые с подачи тех или иных политически значимых субъектов, представляют собой системы в смысловом отношении дифференцированных, хронологически и топографически локализованных образов, соединяемых в разнообразных конфигурациях, которые репрезентируют прошлое. Такие репрезентации заведомо привлекают внимание к одним сюжетным линиям исторического процесса, а также к причинам и следствиям подчеркнуто значимых событий и одновременно умалчивают о других, актуальных в контексте альтернативных оценок прошлого или дискредитирующих официальный исторический нарратив.

При всей распространенности манипуляций исторической памятью в прошлом и настоящем, возникает ключевой, основополагающий в рамках данного исследования вопрос: где граница эффективности и самой возможности идеологически и дидактически «препарированного» репрезентирования прошлого в рамках социальной трансляции тем или иным целевым аудиториям в соотношении с состоянием исторического сознания и самой спецификой исторического знания той или иной эпохи? Обратим внимание в связи с данным вопросом на ряд проблем и противоречий, которые обнаруживают себя в репрезентациях общенационального и регионального прошлого, предлагаемых сетью мультимедийных исторических парков «Россия – моя история». Цель статьи – выявить особенности практик политики памяти в реализации проекта парка-музея «Россия – моя история» и их включенность в систему институциональных противоречий общественного сознания современного российского социума. В рамках данной статьи предполагается последовательно решить ряд задач. Во-первых, рассмотреть специфические интенции различных лиц и групп (носителей идеологических позиций), стремящихся оказать влияние на формирование политики памяти посредством создания музейных репрезентаций прошлого в рамках проекта «Россия – моя история». Во-вторых, выявить противоречия, возникшие между декларируемыми установками избранной авторами проекта концепции отечественной

истории, особенностями отбора и описания содержания исторических процессов и смысловыми интерпретационными, техническими и институциональными средствами ее реализации.

В последние два года историческому парку «Россия – моя история» нередко уделяют внимание журналисты массовых информационных периодических изданий. В российской прессе фигурируют новости об очередных открытиях региональных исторических парков, освещается ход дискуссий о его концепции и содержательном контенте, приводятся интервью с создателями сети парков [3, 4]. В их адрес публично звучат многочисленные критические замечания. Значимой реакцией на расширение сети парков стала подборка посвященных ей публикаций в научном журнале рецензий «Историческая экспертиза», где приводятся критические замечания в адрес общей концепции проекта, его идеологической составляющей и методов экспозиционной практики [5–8]. Одновременно церковь и часть педагогического сообщества выступают в поддержку проекта, рассматривая его, прежде всего, в качестве эффективного (или удобного) средства духовно-нравственного воспитания молодежи [9]. Несмотря на обилие новостных публикаций и отзывов о проекте экспертов из числа историков, последовательной научной критики его концептуальных основ и общей экспозиционной методологии до сих пор все-таки не было предложено. Между тем на примерах других музеев мира сегодня изучаются принципы и практики репрезентации прошлого в различных национальных, культурных и тематических контекстах. Сопоставляются и различные национальные традиции музейного конструирования истории отдельных стран [10], исследуются разные технологии построения таких экспозиций [11], а также их идеологические контексты [12]. Опыт, наработанный нашими коллегами историками – специалистами по музейному делу, дает нам основания попытаться комплексно оценить проект «Россия – моя история» как средство трансляции в массовое сознание с помощью музейных средств определенной идеологизированной версии отечественной истории, а также оценить сами методы и технические особенности исторических репрезентаций с точки зрения их соответствия критериям научности и полезности в учебном процессе.

В данной статье предлагается анализ экспозиции исторического парка-музея «Россия – моя история» на предмет соответствия имеющихся в нем репрезентаций прошлого современному научному пониманию принципа историзма [13, 14]. Оценивая проект, авторы статьи ориентируются на современное состояние исследований «memory studies», предполагающих анализ социальной и культурной памяти и их включенности в присутствие обществу той или иной эпохи мемориативные практики, формирующиеся под воздействием конкурирующих трендов и интерпретаций значимого прошлого как выражение политики памяти [15, 16]. Распространение в мире мультимедийных музеев, к категории которых целесообразно отнести и исторический парк «Россия – моя история», отражает, на наш взгляд, тенденцию развития фено-

мена клипового сознания, активно обсуждаемого в настоящее время. Оценивая потенциальные преимущества и риски репрезентирования истории (в частности, отечественной) в музейном пространстве мультимедийными средствами, мы опираемся на концепции клипового сознания, разработанными российскими авторами – К.Г. Фрумкиным [17] и Ф.И. Гиренком [18]. Исходя из их основных выводов, будем учитывать, что клиповое сознание характеризуется как присущее среднестатистическому жителю современного мегаполиса, мышление которого фрагментарно, обрывочно, упрощено. Необходимость «переваривать» и фильтровать огромные объемы новой информации, заниматься одновременно несколькими делами и жить на высокой скорости заставляют современного человека иначе воспринимать и обрабатывать информацию. Клиповость сознания характеризуется склонностью к «монтажу» реальности, обращением к воображению, а не опыту, языковым минимализмом, визуальностью мышления, разрывом связи между реальным и воображаемым. В качестве проблем клипового сознания выделяются некритичное, эмоциональное отношение к информации, неспособность к аргументации и синтезу, нарушение причинно-следственных связей в мыслительном процессе. Возникают вопросы: как в условиях усиления влияния клиповой организации современных коммуникаций трансформируется представляемое с их помощью историческое знание? Соблюдаются ли важнейшие составляющие принципа историзма? Остается ли таким образом представленное знание собственно историческим или становится чем-то иным?

Масштабный проект «Россия моя история», представленный сегодня сетью интерактивных парков-музеев, вырос из отдельных выставок, демонстрировавшихся с 2005 г. в московском Манеже. Автором идеи проекта выступил ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре, епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов), нередко называемый в СМИ «духовником В.В. Путина» [19]. Идея была реализована Патриаршим советом по культуре и Фондом гуманитарных проектов. К разработке экспозиций привлекались профессиональные историки, архивисты, музейные работники и дизайнеры. В 2013 г. на базе материалов прежних выставок начала складываться серия последовательных экспозиций, первая из которых, подготовленная к 400-летию с начала правления Романовых в России, охватывала период царствования этой династии и носила соответствующее название: «Романовы». Вторая выставка, «Рюриковичи», открылась в 2014 г., третья – «От великих потрясений к Великой Победе» – в 2015 г., наконец, в 2017 г. вниманию посетителей была предложена заключительная экспозиция «От Победы в Великой Отечественной войне до 2016 года». В настоящее время московский исторический парк расположен на территории Всероссийского выставочного центра в огромном павильоне № 57 площадью в 27,7 тыс. квадратных метров. По принципиальному замыслу авторов проекта парк вмещает лишь мультимедийные экспозиции, в нем не экспонируются подлинные музейные предметы – следы исторического прошлого России. Однако помимо

этого посетителям предлагается ознакомиться и с историческими панорамами (реконструкциями), воссоздающими в вещественной форме вагон поезда, где подписал отречение от престола последний российский император Николай II, и сцены битвы за Москву зимой 1941 г.

Митрополит Тихон (Шевкунов), который позиционирует себя как знаток отечественной истории, преследовал, создавая первые выставки, прежде всего, миссионерские цели. История государства представлена им в консервативном, православном контексте. Этим обусловлены «антилиберализм» и «панегирический уклон в изображении всех без исключения царей», в котором ряд профессиональных историков обвинили митрополита Тихона (Шевкунова) [20]. Патриотический дух репрезентаций как одна из основ православной концепции отечественной истории оказался удобен для использования исторического парка носителями власти в качестве инструмента государственной политики памяти как в электоральных целях, так и для самолегитимации действующего режима. Не случайно критики из числа историков, в частности И.И. Курилла, отмечают: «Все “удобные” случаи в прошлом изложены таким языком, чтобы можно было догадаться, что это о сегодняшнем дне» [21].

Московские выставки неоднократно посещал В.В. Путин, при непосредственном участии которого проект разросся до масштабов федерального уровня, превратившись в сеть типовых мультимедийных парков-музеев. По сообщениям периодической печати, после первого посещения выставки в 2013 г. президент поручил ее создателям «в будущем больше внимания уделять внутреннему единству народа, предупреждать об опасностях от раскола, раздела и раздробленности страны» [Там же]. В дальнейшем лидер государства ежегодно показательно посещал выставки в День народного единства. Сегодня официальный сайт проекта приводит оценку проекта, принадлежащую Президенту РФ: «Экспозиция дает объективную картину истории нашей страны со всеми ее победами, достижениями проблемами» [22]. Безусловно, с точки зрения профессионального историка очевидно, что никакой объективной оценки прошлого не может быть в принципе. И разумеется, никакой, даже столь масштабный проект не способен отразить без основательного упрощения всю сложность прошлого такой огромной страны, как Россия, с более чем тысячелетней историей. При том что официально в России нет идеологии, а фактически реализуемая политика памяти отличается непоследовательностью, внимание президента и правительства к данному проекту все-таки очевидно соответствует общей тенденции унификации исторического знания, репрезентируемого на массовом уровне в публичном пространстве. Открытие сети типовых парков-музеев по всей стране, схематично и однозночно репрезентирующих историческое прошлое страны, явно ассоциируется с созданием единой «линейки» школьных учебников по истории и идей введения обязательного ЕГЭ по истории для всех выпускников российских школ.

Сами выставки вплоть до 2016 г. были открыты для массовых посещения на протяжении всего ноября,

а в дальнейшем стали работать на постоянной основе, разместившись в новом специально для них подготовленном павильоне. В июле 2016 г. первым заместителем главы Администрации Президента В.В. Володиным было проведено совещание по развитию проекта, в феврале 2017 г. он обсуждался на селекционном совещании у премьер-министра Д.А. Медведева с главами крупных городов.

Сегодня официальный сайт проекта сообщает о том, что «Россия – Моя история» – это самый масштабный экспозиционный комплекс в России, а география его площадок простирается от Южно-Сахалинска до Санкт-Петербурга, от Перми до Махачкалы и насчитывает более 15 городов». Проект продолжает свое развитие. Официальный сайт также сообщает: «Создатели парка – а это историки, художники, кинематографисты, дизайнеры, специалисты по компьютерной графике – сделали все, чтобы российская история перешла из категории черно-белого учебника в яркое, увлекательное и вместе с тем объективное повествование, чтобы каждый посетитель почувствовал сопричастность к событиям более чем тысячелетней истории своего Отечества» [22]. Основным спонсором дорогостоящего проекта стал «Газпром», потративший на создание сети парков-музеев более 26 млрд руб. [21]. Существенные финансовые вложения на создание парков-музеев в российских городах потребовались и от местных властей. Проект получил широкую рекламу и информационную поддержку как в столице, так и в регионах России. Министерство образования и науки РФ рекомендовало использовать парки в интересах школьного образования и патриотического воспитания граждан, привлекая тем самым в исторические парки, прежде всего школьников и студентов – учащуюся молодежь [23]. Полное соответствие экспозиций парка-музея историко-культурному образовательному стандарту подтвердил директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров [20]. Широкое привлечение учащихся в парки-музеи организуется и на местах.

Региональные воплощения парка-музея оказались в русле общероссийских трендов, хотя и дополнительно заострили ряд проблемных позиций в ходе их создания. Примечательным примером такого рода стало взаимодействие ряда представителей различных социально значимых групп и институтов в процессе подготовки к открытию исторического парка «Россия – моя история» в Новосибирске – крупнейшем мегаполисе Азиатской России. Активную позицию в процессе подготовки к открытию исторического парка занял епископ Русской православной церкви митрополит Новосибирский и Бердский, глава Новосибирской митрополии Тихон (Емельянов). Именно он, по его собственному заверению, еще в 2016 г. добился решения об открытии парка в Новосибирске. Видя в проекте, прежде всего, миссионерский потенциал, митрополит Тихон (Емельянов) создал оргкомитет исторического парка из числа местных историков (ученых и преподавателей истории), преимущественно «воцерковленных», священнослужителей и деятелей культуры (писателей, журналистов, музыкантов, библиотекарей), которым предлагалось посетить мос-

ковские экспозиции, дать экспертную оценку проекту и внести предложения по созданию регионального контента будущей новосибирской экспозиции, а также обдумать, как в дальнейшем использовать исторический парк, исходя их потребностей Новосибирска. В число членов оргкомитета был приглашен и один из авторов данной статьи.

Параллельно работу по подготовке к открытию парка вели представители местных властей, вынужденных форсировать свои действия в условиях приближавшихся выборов президента РФ, поскольку открытие парков преподносилось как заслуга действующего президента и вполне официально рассматривалось как часть избирательной кампании. На плечи правительства Новосибирской области легла подготовка здания под экспозицию. По предложению министра культуры Новосибирской области И.С. Решетникова было выбрано пустующее здание дома офицеров на территории 17-го Военного городка, где, хотя и в плохом состоянии, но сохранилась застройка начала XX в., которой немного в относительно молодом городе Новосибирске. Здание потребовало серьезной реконструкции, которая велась вплоть до осени 2017 г. Решение разместить исторический парк в здании, являющемся не безликим ангаром, а памятником, тем самым, спасая его от разрушения, отличает Новосибирск от большинства других городов, задействованных в проекте.

Открытие парка планировалось на ноябрь 2017 г. К этому моменту состоялось несколько заседаний оргкомитета парка-музея, члены которого оценили свое участие в проекте как потенциальную возможность реализовать собственные инициативы: коммеморативные, краеведческие, научные, культурные, образовательные. Несмотря на то что в адрес московских экспозиций прозвучало немало критических замечаний, касавшихся концепции парка, в последствии они так и остались без внимания. Однако важнее то, что общим стало мнение, согласно которому исторический парк, который создается в Новосибирске по инициативе столичных властей, – это неожиданная и хорошая возможность обустроить в городе, относительно бедном памятными местами, привлекательный с точки зрения брендинга региона исторический квартал и создать недостающую Новосибирску площадку для местных историко-краеведческих дискуссий, научных конференций, просветительских, образовательных и культурных проектов. Именно в перспективах развития культурной инфраструктуры Новосибирска оргкомитету виделось основное значение проекта. В частности, РПЦ удалось добиться возможности взяться за восстановление старого гарнизонного храма на территории Военного городка около мультимедийного парка; историки, занимающиеся Гражданской войной в Сибири, стали продвигать инициативу возведения памятника ее негероическим жертвам из числа гражданского населения на территории парка и т.д.

Очевидно, что в ходе подготовки к открытию парка-музея возник ряд противоречий. Так, создание регионального контента экспозиции было посвящено команде Новосибирского краеведческого музея, по-

скольку исторический парк открывался, как его филиал. Коллектив музейных работников подошел к решению этой задачи со светской позиции, чем вызвал недовольство митрополита и его сторонников, потребовавших дополнить контент сюжетами, посвященными истории РПЦ на территории Новосибирской области.

Заслуживает отдельного описания состоявшаяся 12 ноября 2017 г. церемония открытия парка, на которой присутствовали лица, непосредственно занятые в проекте, а также «высокие гости»: оба митрополита – Тихон (Шевкунов) и Тихон (Емельянов), полномочный представитель Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе С.И. Меняйло, временно исполняющий обязанности губернатора Новосибирской области (с 6 октября 2017 г.) – А.А. Травников, многочисленные представители местной администрации, ученые, журналисты, музейщики, деятели культуры. На открытие парка был приглашен и мэр города – коммунист А.Е. Локоть, лишь несколько дней назад устроивший в городе собственные коммеморативные торжества в честь столетия Октябрьской революции, к слову, менее масштабные, нежели праздник в честь открытия парка. Безусловно, эта церемония, кроме прочего, нацеливалась на отвлечение внимания жителей региона, входящего в так называемый красный пояс, от 100-летия «Великого октября».

Каждый из ораторов, выступивших на открытии парка, достаточно явно старался использовать событие в собственных политических целях. Так, еще малоизвестный новосибирцам А.А. Травников, сделал акцент на том, что «открытие парка – только первый шаг на пути возможного создания здесь целого кластера, посвященного истории нашей страны, краеведению и патриотическому воспитанию подрастающего поколения» [24]. Епископ Тихон (Шевкунов) в который раз «напомнил» собравшимся о многочисленных «фальсификациях» и «искажениях» отечественной истории, с которыми «борется» предлагаемый проект, призванный донести до граждан России «правдивую» версию прошлого страны. В частности, епископ фактически объяснил, как работает один из механизмов политического индоктринирования, использованный создателями мультимедийных репрезентаций прошлого России: «Ребята сами могут исследовать источники, чтобы самим понять, что же происходило тогда, какие уроки мы должны вынести из истории. И здесь во всем нужно разбираться самим» [25]. Очевидно, что особым образом подобранные источники приводят посетителей парка ко вполне определенным выводам.

Как мы уже отметили, волна открытий исторически парков по всей стране не оставила равнодушным сообщество российских историков, некоторые из которых выступили с резкой критикой концепции проекта. Наиболее заметным стало обращение Вольного исторического общества к министру образования и науки РФ О.Ю. Васильевой. К этому обращению присоединилась ассоциация «Свободное слово» – правозащитное объединение литераторов, журналистов, переводчиков, редакторов, издателей, профессио-

нальных блогеров. Авторы обращения высказали возмущение рекомендацией Министерства науки и образования России использовать исторические парки в образовательных целях. Представители Вольного исторического общества обвинили создателей парка в «панегерическом уклоне в изображении всех без исключения русских царей» и в христианизации истории, а также в исключительно монархическом взгляде на отечественную историю («словно из XIX в.»), в несоблюдении принципа историзма, т.е. в «модернизации» прошлого, в приписывании ему современных контекстов, в использовании маргинальных с точки зрения науки теорий для объяснения событий исторических явлений (концепция информационной войны применительно к периоду правления Ивана Грозного). Кроме того, прозвучали обвинения в крайне произвольном отборе фактов, в многочисленных фактических ошибках и в неточном цитировании классиков [26, 27].

Как уже упоминалось выше, к критике присоединился и журнал «Историческая экспертиза», в январе 2018 г. предложивший профессиональным историкам посредством своего сайта и социальных сетей делиться впечатлениями и наблюдениями от посещения парков «Россия – моя история». В итоге был собран ряд отзывов от ученых и журналистов из разных городов. Все они отметили идеологическую подоплеку экспозиции и высказали сомнения в целесообразности использования проекта «Россия – моя история» как «учебного пособия». Интересны и некоторые частные замечания. Доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ А.А. Селин, сконцентрировавший внимание на парке, открытом в Санкт-Петербурге, описал свое первое впечатление от экспозиции: «Профессиональный историк выходит [из парка] с ощущением проигрыша». Это ощущение историк объяснил «примитивностью использованного подхода», дурно представленными евразийскими оценками исторического прошлого страны, увлечением создателей проекта концепциями заговора против России и ее «особого пути». Получившаяся «история без сомнений и раздумий», по оценке этого ученого, переполнена фактическими ошибками, небрежностью подбора фактов и иллюстраций, к тому же неудачно представленных технически несовершенными средствами. Общее заключение содержит вывод о создании сети парков как инструмента исторической политики, сущность которой, однако, А.А. Селин не взялся разъяснить [5]. Свой отзыв о пермском историческом парке опубликовал в «Исторической экспертизе» А.Б. Суслов – доктор исторических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, активный деятель международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» [6]. Отметив востребованность подобного музея в Прикамье, этот ученый фактически присоединился к критике Вольного исторического общества, разделив его тезис об оправдании создателями парка практически любой власти в России, клерикальном уклоне выставок и «фейковых» интерпретациях исторических источников. Им была отмечена и «растворенность» регионального

компонента экспозиции в доминирующей общей концепции проекта, дающей однолинейное и упрощенное представление об отечественной истории [7]. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России УрФУ, председатель Уральского отделения археографической комиссии РАН А.Г. Мосин, посетивший клон парка в Екатеринбурге, в целом оценил проект «не столько как историко-просветительский, сколько как агитационно-пропагандистский, цель которого – утвердить в сознании посетителей выставки идею «особого пути» и особой миссии России, на протяжении многих веков противостоявшей враждебному ей западу». Земляк А.Г. Мосина журналист А.А. Прокопьев добавил к уже высказанной критике замечание о невозможности оценок прошлого с позиции современной морали и поведенческой логики, что фактически игнорируют создатели парка, а также непоследовательность идеологической основы экспозиции и сбои в логике ее репрезентирования: «Свою некомпетентность авторы контента пытаются маскировать обилием незначительных деталей и пафосом – эмоциональным, религиозным, местами великодержавным, но имеющим явно случайный, а не заказной характер» [8].

Создатели сети парков-музеев активно отражают «нападки» ученых, демонстрируя готовность «исправлять мелкие ошибки», а также заручаясь поддержкой и защитой привлекаемых ими на собственную сторону специалистов [28, 29]. PR-стратегия проекта выстраивается в опоре на мнения экспертов из числа профессиональных историков, музейных работников, журналистов, деятелей культуры. Однако, как заметил Санкт-петербургский историк И.И. Курилла, «организаторы этих центров действительно обращались в институты, но насколько потом было принято во внимание то, что было сделано профессиональными историками, непонятно... те, с кем я это обсуждал, говорили, что не видят, чтобы их мнение было принято во внимание» [21]. Курилла обращает внимание и на то, что консультанты выставок не скрывают факта постановки перед собой задачи провести параллели с сегодняшним днем [Там же]. Эта претензия также означает уличение авторов проекта в откровенной идеологизации и политизации истории.

В целом отметим, что историки выявили и прокомментировали многочисленные ошибки и огрехи контента экспозиции, вследствие чего мы считаем нецелесообразным продолжать и так внушительный список частных замечаний. Вместо этого обратим внимание на более существенные противоречия и изъяны концепции проекта, обусловленные как целями и обстоятельствами его создания, сложностью переплетения мотивов и убеждений людей, привлеченных к его разработке, так и формой выражения содержания.

Во-первых, действующая экспозиция как в московском, так и в региональных вариантах репрезентует историю страны с точки зрения столицы, в логике последовательности «славных» правлений «великих» князей и царей, предлагая однозначные, исключительно консервативные оценки исторических деятелей и событий. При этом принципиально отсутству-

ет попытка показать Россию как страну в многообразии региональных и этнокультурных отличий. В региональных парках представлен местный исторический контент, однако история других регионов и специфика их взаимоотношений не репрезентируется. Нет и сколько-нибудь значимых упоминаний о профессиональных различиях, существующих в одной стране в исторической ретроспективе. В рамках проекта вся отечественная история представлена без сравнения с качественно отличным опытом как в своей стране, так и своей страны с другими странами.

История России показана как история государства, при этом в экспозиции очевидно не представлена «история народов». Такое решение можно трактовать как принципиальное. Митрополит Тихон (Шевкунов) лично заявил, что «исторические парки становятся потенциалом для развития *единого пространства нашей страны*» [19]. Для современной политики памяти ряда «новых государств», особенно постсоветских, характерен способ представления своей истории как истории народа (национальной истории). Обычно эта установка реализуется в радикально националистическом ключе конструирования истории путем предвзятого вычленения из массива фактов исторического процесса лишь удобных и, зачастую, искусственного противопоставления «собственного народа» иным. Такой вариант подачи истории избирается в связи с неприемлемостью для современных элит государств репрезентации истории того, что ими полагается как «собственный отдельный народ на том или ином этапе своего развития в прошлом» в рамках истории иных государств (Россия, СССР). Концепция парка «Россия – моя история» не столь радикальна, как националистические концепции, что обусловлено фактическим наличием у нашей страны длительной истории в статусе независимого государства, позволяющим на уровне конструирования музейных репрезентаций «нашего» прошлого обходить скользкую тему народа, выведение которой на первый план неизбежно в случае слишком короткой истории государственности. В такой многонациональной стране, как Россия, говорить об истории государства, а не ее народов, как это делают создатели сети парков, сравнительно проще и безопаснее с точки зрения потенциального затрагивания острых и конфликтных тем этнических и конфессиональных противоречий. Однако их полное замалчивание на фоне противопоставления России внешнему миру очевидно ведет к идеализации прошлого бывшей империи, к сильному упрощению и схематизации его репрезентаций. Обратим, справедливости ради, внимание и на то, что «русский народ» в репрезентациях все-таки присутствует, однако, вопреки истине, сугубо как единый и православный.

Во-вторых, возвращаясь к упомянутому критиками принципу историзма, напомним, что в основе самого феномена исторического знания лежит базовое различие прошлого и настоящего. Настоящее, даже являясь продолжением прошлого, качественно от него отличается не только тем, что в нем формально действуют ныне живущие люди с иными именами и в иных «костюмированных» контекстах, чем в про-

шедшие периоды. В прошлом на различных его этапах как само общество и его институты, так и отдельные действующие лица были качественно иным образом устроены, бытовали другие практики жизни и профессиональной деятельности, иные смыслы придавались внешне похожим на сегодняшние действиям и предметам, все это встраивалось в существенно отличающиеся от современных символические универсумы (картины мира), в рамках которых предлагались совершенно отличные от популярных ныне мотивации действий, объяснительные принципы, перспективы и возможности индивидуальной, коллективной жизни и существования мира в целом. Это прошлое отличается не только от настоящего, но и также имеет множество качественных отличий в себе самом: как минимум столько же, сколько различных эпох его составляет. Если к сегодняшнему дню уже вполне очевидно, что не является исторически корректным описание мотиваций и смыслов деятельности человека не только в настоящем, но и в различные эпохи как «*homo economicus*» в его либерально-экономическом понимании с главной мотивацией в «максимизации прибыли», то это лишь показывает, что и другие столь же исторически ограниченные способы понимания человека в его индивидуальном и социальном бытии так же не могут выступить в качестве единственной основы репрезентации истории. Не только идеи и стремления «человека экономического», но и «человека государственнического», «человека патриотического» или «человека религиозного» и других не могут быть монополюбно-релевантными для описания истории, не являясь универсальными и сами в себе имели колоссальное качественное развитие в истории. Только архаические традиционные общества видели в прошлом именно полный набор элементов их «живой традиции». То есть, несмотря на декларированную ориентацию на свое прошлое и «заветы предков», такие общества истории не знали, но видели в прошлом лишь опрокинутое в него настоящее, прецеденты ставшего настоящего порядка и ничего иного.

Современное российское общество вряд ли можно назвать традиционным. Однако в экспозициях проекта мы видим лишь телеологическую линию становления настоящего в прошлом. При том, что никаких вышеуказанных качественных отличий в смыслах, идеях, перспективах, картине мира, ментальности людей разных эпох истории страны мы не наблюдаем. А ведь в стране были еще и различные этнические, религиозные, иерархически-сословные, профессиональные, региональные и иные социальные и культурные группы со своими качественными отличиями сознания, другими значимыми для них событиями и историей. Собственно говоря, этой стороны истории в экспозиции вообще нет. Получается, что посетителю исторического парка предлагается понимать прошлое как в худшем варианте художественных «исторических», а на самом деле лишь «костюмированных» фильмов, где во внешних декорациях прошлого действуют совершенно однообразные современные типажи.

Экспозиция не дает описания конкурирующих парадигм развития, предлагая лишь искусственное представление истории страны как телеологически

предопределенного пути, в прошлом приведшего (даже и после «трудных испытаний», воздействия внешних и внутренних «врагов») к именно существующему сегодня социальному и политическому порядку. Стоит добавить и то, что внешний мир представлен в парке в двух вариантах: как источник враждебного воздействия или как объект экспансии.

В-третьих, несомненно, стоит остановиться на мультимедийном характере репрезентаций прошлого в исторических парках «Россия – моя история». Форма репрезентаций концепции отечественной истории составляет предмет гордости для создателей сети исторических парков. Сайт проекта сообщает, что в историческом парке представлены все новейшие формы информационных носителей: сенсорные столы и экраны, вместительные кинотеатры, лайтбоксы, коллажи, проекторы и планшеты [22]. Авторы проекта считают, что современная мультимедийная техника с ее широкими возможностями и отдельные игровые приложения уже сами по себе способны привлекать внимание посетителей, прежде всего детей и молодежи, привыкших к гаджетам. Педагоги подчеркивают значимость реализации в парке – «учебном пособии» принципа наглядности как эффективного средства обучения. Действительно, использовать средства мультимедиа в музее, как на уроке истории, современно: на сегодняшний день в этих сферах накоплен богатый мировой опыт. Музейщики нередко дополняют экспозицию, построенную из подлинных предметов, интерактивными киосками, видеофильмами, электронными тестами и играми. Электронные устройства помогают сделать экспозицию более насыщенной и информативной. Однако с точки зрения музейного дела едва ли современно считать использование давно привычных посетителям информационных экранов и гаджетов новейшей технологией. Не создавая эффекта технологической новизны и воспринимаясь как ординарная и везде доступная часть повседневности, «экранный» способ отображения исторической информации разрушает ощущение уникальности, складывается впечатление, что все это можно посмотреть в более удобном месте и в другое время. Теряется традиционная ценность посещения музея как места реального соприкосновения с подлинными следами прошлого. Куда более прогрессивно создавать, к примеру, 3D-голограммы, дающие ощущение трехмерного изображения.

Также сомнительно выглядит и возможность полного отказа от подлинных артефактов в рамках музейного пространства. Уникальные исторические артефакты, или хотя бы их качественные копии, удостоверяют подлинность определенных событий и состояний самим фактом своего вещного существования и уже во вторую очередь – фактом их научно адекватной интерпретации. В мультимедийном проекте презентации истории место не только самих артефактов как уникальных вещественных проявлений прошлого или их точных копий занимают графические объекты, заведомо не имеющие иного прототипа, помимо чьей-то (при этом в данной экспозиции вполне анонимной) авторской реконструкции или фантазии. Иными словами, приходится признавать, что образы прошлого,

представленные в экспозиции, являют собой симулякры, которые Ж. Бодрийяр определил как копии, фактически не имеющие реальных прототипов в действительности, но правдоподобно имитирующие реальность [30]. В современном мире немало мультимедийных музеев. Однако можно отметить тенденцию постепенного дополнения визуальных репрезентаций прошлого, представленных в этих музеях, вещественными источниками, вызывающими у посетителя большее ощущение подлинности и объективности предложенных фрагментов. Таков пример интерактивного «Музея истории польских евреев» (Muzeum Historii Żydów Polskich POLIN, Варшава), в мультимедийную экспозицию которого, удачно введены предметы быта, религиозного культа, а также другие артефакты и их модели, предсказуемо притягивающие наибольшее внимание посетителей [31]. Вещественные источники – немые, отдельные и самостоятельные свидетели прошлого, будучи даже помещенными в экспозицию, отражающую определенные идеологические установки, дают посетителю больше свободы в собственной интерпретации прошлого, нежели исторические картины, «оживленные» проектором. Все-таки, движущиеся на стене цветные тени – изображения прошлого имеют меньше отношения к «жизни», нежели, к примеру, вещи, поднятые из курганов, пускai и неподвижные, но подлинные.

Создатели экспозиции парка-музея «Россия – моя история», к сожалению, в выборе технических средств репрезентации исторических материалов не воспользовались теми из них, которые в определенной степени отражают процесс и логику работы исследователя с подлинными историческими источниками, а именно: в экспозиции представления об источниках нет совсем. Историческая информация, названия и оценки даны посетителям (как, вероятно, и ее составителям) сразу в готовом виде (не исключено, что вообще посредством некоего «откровения»). Тогда как историческая наука извлекает все это из сложного внешнего и внутреннего анализа разнообразных источников, при необходимости реконструируя научно определенными способами утраченные их фрагменты, осуществляя, в том числе, исторически корректный перевод и интерпретацию первичных текстов. Одним из примеров использования современных технических средств для показа содержания источника и возможностей его понимания может служить электронное представление надгробий на старых еврейских кладбищах в упомянутом музее Polin в Варшаве. Там, к примеру, на специальных информационных экранах демонстрируются изображения отдельных каменных стел – надгробий, посетитель может наводить выделение на отдельные части памятника, содержащие надписи. При этом рядом с надгробием проецируется дословный перевод выделенного фрагмента. Если выделить на изображении тот или иной символ, то появится объяснение его значения и смысла присутствия на данном памятнике. Кроме того, рядом же с изображением можно прочитать и биографическую справку о погребенном здесь человеке. Таким образом, посетитель может отчасти повторить сам путь исследователя, даже не владея

неизвестным ему языком, но сопоставляя ряд представленных переводов и объяснений.

Появление в музеях интерактивных технических средств экспонирования соотносится с развитием концепции виртуального музея (чаще используемой для художественных музеев), логика экспозиции которого выстраивается индивидуально в голове посетителя. Экспонаты и отдельные элементы экспозиции, утрачивающие подлинность, просматриваются произвольно: в любой последовательности, в любом объеме, с любой скоростью [32]. Казалось бы, в исторических парках экспозиция выстраивается в линейной логике, она концептуальна и последовательна. Однако перенасыщенность разнообразными дополнительными вкладками, содержащими большие объемы информации, сбивает посетителя с толку, и он перемещается от одного планшета к другому. Редкий посетитель читает последовательно все предлагаемые тексты. Большинство быстро переключаются на развлечение интерактивными фокусами. При этом систематичность просмотра предсказуемо подменяется произвольной фрагментарностью и контекстным анахронизмом; эстетика и динамичность инсталляций и репрезентаций, развлекающих посетителя, становится для него важнее содержания, которое перестает восприниматься критически. Смысл может теряться вообще. Пожалуй, это допустимо, если посетитель музея знакомится с произведениями искусства ради эстетического наслаждения или развлечения. Однако безопасно ли применение принципа создания виртуального музея к экспозиции исторического содержания? Можно ли делать развлекательный аттракцион из отечественной истории, предлагая его одновременно в качестве «учебного пособия»?

На наш взгляд, элемент виртуальности применительно к реализации проекта сети исторических парков «Россия – моя история», с одной стороны, отражает существующий тренд массового распространения клиповой организации репрезентации информации, а с другой стороны, сам формирует клиповость сознания со всеми присущими ему проблемами полноценного восприятия и осмысления любой сложной информации, в том числе исторической. Следует обратить внимание на то, что, в отличие от восприятия текстовой информации, визуальная репрезентация не включает воображение, реконструирующее смыслы в сознании воспринимающего ее человека. Избыточный динамизм и мелькание картинок (особенно в хроникальных подборках и тематической анимации) мешают работе воображения посетителя и оставляют крайне мало места и времени для критического отношения к информации и формирования собственной оценки и личностной позиции в отношении увиденного. Иными словами, информационное перенасыщение вполне укладывается в рамки манипулятивного воздействия на воспринимающее сознание с целью достижения механического закрепления и воспроизводства оценок истории, предложенных в экспозиции, а не сознательного их выбора аудиторией из ряда серьезно и полно представленных других позиций как более аргументированных. В этом визуализация исторического контента как основной способ подачи ин-

формации в данном проекте вполне реализует потенциал визуальности как антирациональности.

Создатели сети парков декларируют соответствие репрезентаций современному уровню научной историографии. Однако фактически историческая концепция парка выстроена в опоре на труды классиков XIX – начала XX в., преимущественно консервативно-охранительного толка. При этом клиповый подход к репрезентации содержательного контента не позволяет поддерживать даже этот уровень давно оставшегося в прошлом этапа развития историографии отечественной истории. В историческом парке мы имеем дело с симуляцией классической историографии. На самом очевидном уровне это находит отражение в кратких цитатах, столь сильно раздражающих профессиональных историков своей «приблизительностью», отрывом от контекстов и вольностью их сочетаний. Симуляция «живой истории» проявляется и в свободном, вполне постмодернистском обращении с произведениями изобразительного искусства, которые никак не аннотируются, хотя и должны (при условии научного подхода) рассматриваться как варианты авторской, художественной интерпретации событий прошлого, соответствующей определенному времени и историческим условиям. «Оживление» живописных произведений, всегда спорных по смыслу, их сочетание с не менее спорными графическими изображениями, неточными картами, видеофильмами и подвижными мультимедийными экспонатами создает для посетителей эффект виртуальной реальности, что, несомненно, развлекает, но при этом резко снижает градус критичности восприятия увиденного. Тревожно то, что это отказываются замечать педагоги и чиновники, ответственные за образование подрастающего поколения и так мало читающего «скучные» печатные книги. В сущности, исторический парк далек от научности, однако складывается впечатление, что это мало заботит тех учителей, которые готовы развлекать учеников и формально готовить их к ЕГЭ по истории, не берясь за решение своей основной задачи – разъяснения школьникам сущности исторического знания и базовых характеристик исторического процесса. Проект, как уже отмечалось выше, позиционируется как одобренный профессиональными историками, и от этого существенно страдает имидж исторической науки в обществе. Парк-музей является, хоть и специфическим, но все же историческим музеем, где должны быть репрезентированы не любые мнения и дорогие чьему-то сердцу исторические мифы, но максимально достоверные знания о прошлом. И в этом качестве сегодня нет и не предвидится альтернативы научным историческим знаниям со всей их вариативностью и неоднозначностью оценок прошлого.

Несмотря на содержательную ограниченность проекта, а может быть, именно благодаря ей, проект в своем противоречивом сочетании взаимно мало совпадающих подходов и интересов участников в условиях конъюнктурного доступа к ресурсной поддержке разросся до целой историко-пропагандистской сети по всей стране. Посредством парков «Россия – моя история», содержательный контент которых вызвал лавину справедливых критических замечаний про-

фессиональных историков, представители РПЦ, политики и чиновники, как в столице, так и в регионах страны, а также представители общественности, по разным причинам привлеченные к проекту, реализуют собственные идеологические задачи (миссионерские, электоральные, легитимирующие как безальтернативный существующий социально-политический порядок и включенность именно в него отдельных регионов). Все это имеет мало общего с современным научным пониманием истории, поэтому необходимо

признать, что данный проект является хотя и актуальным для основных названных групп влияния, но непригодным в более широкой перспективе развития российского общества и для использования в образовательных целях. Способ «препарирования» и репрезентирования истории в экспозиции парка-музея дискредитирует историческую науку и в целом своей «клиповой организацией» исторического контента содействует дальнейшему разрушению рациональности массового исторического сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995. 323 с.
2. Святославский А.В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : автореф. дис. ... д-ра культурол. М., 2012. 53 с.
3. Парк «Россия – моя история» в Омске открыли потомок Бухгольца и духовник Путина // Новой Омск. 2017. 15 нояб. URL: http://newsomsk.ru/news/65777-park_rossiya__moja_istoriya_v_omske_otkrl_i_potomok/ (дата обращения: 12.10.2018).
4. «Россия – моя история» // Сибирские огни: литературный и общественно-политический журнал. 2017. Спец. вып. 100 с.
5. Селин А.А. О выставках в историческом парке «Россия – моя история» в Санкт-Петербурге // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 59–77.
6. Сулов А.Б. Исторический парк «Россия – моя история» в Перми // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 78–81.
7. Мосин А.Г. «Моя история» или «Моя мифология»? // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 82–92.
8. Прокопьев А.А. Другой взгляд на экспозицию в Екатеринбурге. «Россия – моя история»: не так страшен парк, как его малюют // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 93–102.
9. Самсонов С.И. Духовно-нравственное воспитание обучающихся через потенциал православной культуры (на примере Саратовской области) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 3. С. 196–200.
10. Varutti M. Using Different Pasts in a Similar Way Museum Representations of National History in Norway and China // Culture Unbound: Journal of Current Cultural Research. 2010. Vol. 2. P. 745–768.
11. Фильшкин А.И. Как изображать прошлое нации? Два подхода в музейных экспозициях (на примере Эстонии и Белоруссии) // Вопросы музеологии. 2016. № 1. С. 3–9.
12. National Museums and Nation-building in Europe 1750–2010: Mobilization and Legitimacy, Continuity and Change / P. Aaronson, G. Elgenius (eds.). London : Routledge, 2014. 226 p.
13. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М. : Юрист, 1994. 719 с.
14. Шичалин Ю.А. История и историзм // Античность – Европа – история. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. С. 65–205.
15. Roediger H.L., Wertsch J.V. Creating a new discipline of memory studies // Memory studies. 2008. Vol. 1 (1). P. 9–22.
16. Radstone S. Memory studies: For and against // Memory studies. 2008. Vol. 1 (1). P. 31–38.
17. Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Internum. 2010. Т. 1. С. 26–36.
18. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М. : Проспект, 2016. 256 с.
19. Духовник Путина епископ Тихон назвал омский исторический парк одним из лучших в стране // Без формата: новости Омска и Омской области. 2017. 15 нояб. URL: <http://omsk.bezformata.ru/listnews/nazval-omskij-istoricheskij-park/62599926/> (дата обращения: 12.10.2018).
20. Берг Е. Выставку под патронажем епископа Тихона предложили изучать школьникам и студентам. Историки называют ее «пропагандистской игрушкой» // Meduza. 2017. 11 дек. URL: <https://mamas.livejournal.com/6158154.html> (дата обращения: 12.10.2018).
21. Историко-финансовая империя духовника Путина // Руспрес: информационное агентство. 2017. 21 нояб. URL: <https://www.rospress.org/dossier/22773/> (дата обращения: 12.10.2018).
22. Исторический парк «Россия – моя история»: официальный сайт. URL: <https://myhistorypark.ru> (дата обращения: 12.10.2018).
23. Минобрнауки рекомендовало школьникам выставки «Россия – моя история» // РИА Новости: Россия сегодня. 2016. 10 нояб. URL: <https://ria.ru/religion/20161110/1481121365.html> (дата обращения: 12.10.2018).
24. Парк-музей «Россия – Моя история» торжественно открыли в Новосибирске // Vn.ru: все новости Новосибирска. 2017. 12 нояб. URL: <https://vn.ru/news-park-muzey-rossiya-moja-istoriya-torzhestvenno-otkryli-v-novosibirsk> (дата обращения: 12.10.2018).
25. Музей без экспонатов: исторический парк открыли в Новосибирске // Сибкрай. 2017. 13 нояб. URL: <http://sibkrai.ru/news/1/903769/> (дата обращения: 12.10.2018).
26. Обращение Вольного исторического общества к министру образования и науки Российской Федерации О.Ю. Васильевой // Вольное историческое общество: официальный сайт. URL: <https://volistob.ru/vio-news/obrashchenie-volnogo-istoricheskogo-obshchestva-k-ministru-obrazovaniya-i-nauki-rossiyskoj> (дата обращения: 12.10.2018).
27. Еще раз о мультимедийных парках «Россия – моя история» // Вольное историческое общество: официальный сайт. URL: <https://volistob.ru/statements/eshche-raz-o-multimediynyh-parkah-rossiya-moja-istoriya> (дата обращения: 12.10.2018).
28. Претензии к историческим паркам «Россия – моя история»: ответ специалистов // Православие. ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/109182.html> (дата обращения: 12.10.2018).
29. «Без панегириков царям»: проект «Россия – моя история» защитили от критиков // РИА Новости: Россия сегодня. 2017. 13 дек. URL: <https://ria.ru/religion/20171213/1510875369.html> (дата обращения: 12.10.2018).
30. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула : Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
31. Polin. 1000 Years History of Polish Jews / B. Kirshenblatt-Gimblett and A. Polonsky (eds.). Warsaw : Museum of the History of the Polish Jews, 2015. 435 p.
32. Лебедев А.В. Виртуальные музеи и виртуализация музея // Мир музея. 2010. № 10. С. 5–9.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 22 апреля 2019 г.

The aim of the article is to reveal the features of the practices of memory politics in the implementation of the “Russia – My History” park-museum project and the practices inclusion into the system of institutional contradictions of the public consciousness in modern Russian society. The research is based on an analysis of the exposition of the historical park-museum “Russia – My History” in Moscow and in its regional branch in Novosibirsk. Publications about this project in the media and in specialized scientific journals have also been used as sources of the research. The analysis was carried out to determine the correspondence of the museum representations of the past of Russia to the modern scientific understanding of the historicism principle. Evaluating the project, the authors of the article rely on the general basis of the “memory studies” approach. The network of historical parks is researched as an instrument of the politics of memory. Initially, the project was conceived as a missionary one. The patriotic spirit of the representations, as one of the bases of the Orthodox concept of national history, turned out to be convenient for the use of the historical park by the power holders for their electoral purposes. This led to a significant increase in the project scale and to an inclusion of regional politicians and officials. The complex motives and beliefs of the subjects involved in the project development resulted in contradictions in the representations of national history. Thus, the correspondence of historical representations to the modern level of scientific historiography is declared. However, in fact, the historical concept of the park was built on the basis of works of the classic authors of the 19th – early 20th centuries mostly presenting a conservative approach. The current exposition, both in Moscow and in its regional variants, represents the history of the country from the point of view of the capital city, in the conservative logic of the sequence of “glorious” reigns of the “great” princes and kings. At the same time, there is no attempt to show Russia as a country in a variety of regional, ethno-cultural and confessional differences. The whole national history is presented without a comparison with a qualitatively different development experience. Representations are made out of the context of understanding the basic differences in the mentality of people from different epochs. The exposition does not show competing developmental paradigms. The outside world is represented in the park in two versions: as a source of hostile influence or as an object of expansion. The way of presenting history in the exposition of the park-museum discredits historical science and, in general, by its “clip organization” of historical content, contributes to the further destruction of the rationality of mass historical consciousness.

REFERENCES

1. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [The social construction of reality]. Moscow: Medium.
2. Svyatoslavskiy, A.V. (2012) *Sreda obitaniya kak sreda pamyati: k istorii otechestvennoy memorial'noy kul'tury* [Habitat as a medium of memory: on the history of national memorial culture]. Abstract of Culture Studies Dr. Diss. Moscow.
3. Novyy Omsk. (2017) Park “Rossiya – moyaya istoriya” v Omske otkryli potomok Bukhhol'tsa i dukhovnik Putina [A descendant of Buchholz and Putin's confessor opened the park “Russia – My History” in Omsk]. *Novyy Omsk*. 15 November. [Online] Available from: http://newsomsk.ru/news/65777-park_rossiya_moya_istoriya_v_omske_otkryli_potomok/. (Accessed: 12.10.2018).
4. Sibirskie ogni. (2017) “Rossiya – moyaya istoriya” [“Russia – My History”]. *Sibirskie ogni*. Special Issue.
5. Selin, A.A. (2018) O vystavkakh v istoricheskom parke “Rossiya – moyaya istoriya” v Sankt-Peterburge [On exhibitions in the historical park “Russia – My History” in St. Petersburg]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 1. pp. 59–77.
6. Suslov, A.B. (2018) Istoricheskiy park “Rossiya – moyaya istoriya” v Permi [Historical Park “Russia - My History” in Perm]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 1. pp. 78–81.
7. Mosin, A.G. (2018) “Moya istoriya” ili “Moya mifologiya”? [“My history” or “My mythology”?]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 1. pp. 82–92.
8. Prokop'ev, A.A. (2018) Drugoy vzglyad na ekspozitsiyu v Ekaterinburge. “Rossiya – moyaya istoriya”: ne tak strashen park, kak ego maluyut [A different view on the exhibition in Yekaterinburg. “Russia – My History”: the park is not so terrible as it seems]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 1. pp. 93–102.
9. Samsonov, S.I. (2016) Spiritual and moral education of students through the Orthodox culture potential (Saratov Region case). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social Educational Idea*. 8 (3). pp. 196–200. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-106-200
10. Varutti, M. (2010) Using Different Pasts in a Similar Way Museum Representations of National History in Norway and China. *Culture Unbound: Journal of Current Cultural Research*. 2. pp. 745–768.
11. Filyushkin, A.I. (2016) How to depict the past of the nation? Two approaches in museum exhibitions (for example, Estonia and Belarus). *Vo-prosy muzeologii – Problems of Museology*. 1. pp. 3–9. (In Russian).
12. Aaronson, P. & Elgenius, G. (eds) (2014) *National Museums and Nation-building in Europe 1750–2010: Mobilization and Legitimacy, Continuity and Change*. London: Routledge.
13. Troeltsch, E. (1994) *Istorizm i ego problemy* [Historicism and its problems]. Translated from German. Moscow: Yurist.
14. Shichalin, Yu.A. (1999) *Antichnost' – Evropa – istoriya* [Antiquity – Europe – history]. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina. pp. 65–205.
15. Roediger, H.L. & Wertsch, J.V. (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*. 1 (1). pp. 9–22. DOI: 10.1177/1750698007083884
16. Radstone, S. (2008) Memory studies: For and against. *Memory Studies*. 1 (1). pp. 31–38. DOI: 10.1177/1750698007083886
17. Frumkin, K.G. (2010) Global changes in thinking and fate of the textual culture]. *Internum*. 1. pp. 26–36. (In Russian).
18. Girenok, F.I. (2016) *Klipovoe soznanie* [Clip thinking]. Moscow: Prospekt.
19. Omsk.bezformata.ru. (2017) Dukhovnik Putina episkop Tikhon nazval omskiy istoricheskiy park odnim iz luchshikh v strane [Putin's Confessor, Bishop Tikhon called the Omsk Historical Park one of the best in the country]. *Bez formata: novosti Omska i Omskoy oblasti*. 15 November. [Online] Available from: <http://omsk.bezformata.ru/listnews/nazval-omskiy-istoricheskij-park/62599926/>. (Accessed: 12.10.2018).
20. Berg, E. (2017) Vystavku pod patronazhem episkopa Tikhona predlozhili izuchat' shkol'nikam i studentam. Istoriki nazyvayut ee “propagandistkoy igrushkoy” [Schoolchildren and students were offered to study the exhibition under the patronage of Bishop Tikhon. Historians call the exhibition a “propaganda toy”]. *Meduza*. 11 December. [Online] Available from: <https://mamlas.livejournal.com/6158154.html>. (Accessed: 12.10.2018).
21. Ruspres. (2017) *Istoriko-finansovaya imperiya dukhovnika Putina* [Historical and financial empire of Putin's confessor]. 21 November. [Online] Available from: <https://www.rospres.org/dossier/22773/>. (Accessed: 12.10.2018).

22. *The Historical Park “Russia – My History”: the official website*. [Online] Available from: <https://myhistorypark.ru>. (Accessed: 12.10.2018). (In Russian).
23. Ria.ru. (2016) Minobrnauki rekomendovalo shkol'nikam vystavki “Rossiya – moya istoriya” [The Ministry of Education and Science recommended schoolchildren to visit the exhibitions of “Russia – My History”]. *RIA Novosti: Rossiya segodnya*. 10 November. [Online] Available from: <https://ria.ru/religion/20161110/1481121365.html>. (Accessed: 12.10.2018).
24. Vn.ru. (2017) Park-muzey “Rossiya – Moya istoriya” torzhestvenno otkryli v Novosibirske [The Park-Museum “Russia – My History” was solemnly opened in Novosibirsk]. *Vn.ru: vse novosti Novosibirska*. 12 November. [Online] Available from: <https://vn.ru/news-park-muzey-rossiya-moya-istoriya-torzhestvenno-otkryli-v-novosibirske>. (Accessed: 12.10.2018).
25. Sibkray.ru. (2017) Muzey bez eksponatov: istoricheskiy park otkryli v Novosibirske [Museum without exhibits: a historical park opened in Novosibirsk]. *Sibkray*. 13 November. [Online] Available from: <http://sibkray.ru/news/1/903769/>. (Accessed: 12.10.2018).
26. Volistob.ru. (2017) *Obrashchenie Vol'nogo istoricheskogo obshchestva k ministru obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii O.Yu. Vasil'yeva* [The Free Historical Society's Appeal to Minister of Education and Science of the Russian Federation O.Yu. Vasilyeva]. [Online] Available from: <https://volistob.ru/vio-news/obrashchenie-volnogo-istoricheskogo-obshchestva-k-ministru-obrazovaniya-i-nauki-rossiyskoy>. (Accessed: 12.10.2018).
27. Volistob.ru. (2017) *Eshche raz o mul'timediynykh parkakh “Rossiya – moya istoriya”* [Once again about the multimedia parks “Russia – My History”]. [Online] Available from: <https://volistob.ru/statements/eshche-raz-o-multimediynyh-parkah-rossiya-moya-istoriya>. (Accessed: 12.10.2018).
28. Orlova, O. (2017) *Pretenzii k istoricheskim parkam “Rossiya – moya istoriya”: otvet spetsialistov* [Claims to the historical parks “Russia – My History”: the experts' answer]. [Online] Available from: <http://www.pravoslavie.ru/109182.html>. (Accessed: 12.10.2018).
29. Ria.ru. (2017) “Bez panegirikov tsaryam”: proekt “Rossiya – moya istoriya” zashchitili ot kritikov [“Without panegyrics to tsars”: The project “Russia – My History” was defended from critics]. *RIA Novosti: Rossiya segodnya*. 13 December. [Online] Available from: <https://ria.ru/religion/20171213/1510875369.html>. (Accessed: 12.10.2018).
30. Baudrillard, J. (2013) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Translated from French. Tula: Tul'skiy poligrafist.
31. Kirshenblatt-Gimblett, B. & Polonsky, A. (eds) (2015) *Polin. 1000-Year History of Polish Jews*. Warsaw: Museum of the History of the Polish Jews.
32. Lebedev, A.V. (2010) Virtual'nye muzei i virtualizatsiya muzeya [Virtual museums and museum virtualization]. *Mir muzeya*. 10. pp. 5–9.

Received: 22 April 2019